

Уильям Дж. Помрой — по происхождению американец. С Филиппинами он не имел ничего общего до того самого дня, когда его и других солдат высадили на островах, чтобы спасти от японцев «маленьких коричневых братьев», как официальная американская пропаганда часто именует филиппинцев. Японцев давно прогнали не без решительной помощи самих островитян, объединившихся в «Хукбалахап» — Народную антияпонскую армию, а американцы, навязав стране правительство из своих ставленников-марионеток, стали преследовать и гро-

УИЛЬЯМ ДЖ. ПОМРОЙ

Земля и карабао

РАССКАЗ

мить «Хукбалахап», отслеживать «красных» бойцов и командиров. Уильям со своей женой-филиппинкой Селией встал на сторону Народной армии и несколько лет всевал в рядах «Хукбалахапа». Во время одной из операций супруги Помрой были захвачены в плеч и предстали перед судом по обвинению в «антифилиппинской деятельности». Их приговорили к смертной казни, замененной затем пожизненным тюремным заключением.

Когда под давлением требований общественности филиппинские власти несколько лет назад амнистировали обвиняемых, им предложено было немедленно покинуть Филиппины. Родина Уильяма Помрой отвернулась от него, считая, что он скомпрометировал себя своими связями с филиппинскими коммунистами, и под предлогом того, что он и госпожа Помрой «находились в рядах филиппинского движения Сопротивления, контролируемого коммунистами», госдепартамент США отказал им во въездных визах. Им было позволено поселиться в Канаде.

Уильям Помрой, сражаясь бок о бок с филиппинцами в рядах «Хукбалахапа», хорошо узнал и крепко полюбил их страну. Еще на Филиппинах началась его литературная деятельность, он опубликовал ряд рассказов в послевоенной прессе Манилы.

Рассказ У. Помрой «Земля и карабао», повествующий о маленьком филиппинском мальчике и его карабао — водном буйволе, — печатается с незначительными сокращениями.

Я ЖИВУ в горах. Вы знаете, что такое горы: сначала идет равнина, потом предгорье с хорошей землей, а затем возвышаются лесистые склоны, всходящие все выше и выше; и даже запрокинув голову, вы не сможете увидеть вершину.

Когда-то давно, говорит мой отец, наша семья жила там, в долине. Сам он был арендатором на большой рисоводческой ферме, но, говорит он, каждому хочется иметь собственную землю. Иметь собственную землю — люди прямо бесятся из-за

этого, добавляет он. И вот он и другие пришли сюда и поселились у отвесных скал, здесь выросло новое баррио¹.

Они не были первыми в этих местах. Вдоль кромки полей, там, где начинается темный лес, еще и сейчас видны развалины хижин, сгнившие подпорки и заплесневелые обломки крыш. Когда-то это бы-

ли дома дикого горного племени, у которого тут был каингин². Люди отсюда ушли выше в горы, в лес, когда здесь поселился мой отец и те, что с ним. Отец никогда не говорит мне, почему они ушли. Он только говорит, что они были дикие и недоверчивые. Во всяком случае, говорит он, по закону они не должны были владеть землей.

С тех самых пор, как я стал достаточно большим, чтобы слушать рассказы взрослых, я всегда боялся этих людей с гор. В нашем баррио знают множество историй о дикарях, которые беззвучно ходят по лесу и даже могут убить бесшумно своим копьем или стрелой из лука. Когда очищали поля вокруг баррио, они пришли и убили вот так одного человека, рассказывает отец. Потом приходили полицейские, они отправились в лес, стреляли там и убили нескольких горцев. После этого тех никогда больше не видели возле баррио. Охотники, которые ходят в горы, встречают их каингины, маленькие клочки земли, ложбинки между горных кражей. Но там никого не бывает, когда приходят охотники; над хижинами вьется дымок очагов, а все уходят. Наверное, они думают, что наши охотники — это полицейские, которые снова пришли стрелять их.

¹ Баррио (исп. - филиппинск.) — деревня, селение.

² Каингин (тагальск.) — поле, подготовленное подсечно-переложным способом для посева.

Впервые я увидел горцев внизу, в городе, в базарный день. Они пришли группой, почти не одетые, длинноволосые; их тощие тела были сплошь в болячках. Им нужно было табаку и соли. Они принесли мешки с альмасигой³ и связками ратана⁴, на которые они все меняли. Вначале они показались мне слабыми и безсидными, но потом я увидел, как они несут луки — слезно ружья.

После этого, когда я работал на рисовом поле у опушки леса, избегающей по склону, я всегда косил глазом через плечо, подстерегая тень, скользкую от дерева к дереву, или ожидая увидеть тонкий солнечный блик, который может обернуться брошенным копьем.

Нынешним летом налетел этот страшный тайфун, ужасней всех ревущих ливней и ветров, что бывали раньше. Никогда еще мы не ждали урожая с таким волнением. Пршлогодний сбор риса обманул все надежды, его явно не хватало, чтобы протянуть год. Мы ели два, а потом и один раз в день, и все с нетерпением поджидали жатву. Теперь новый рис темнел и становился все выше.

Я чувствовал, как кожа все туже обтягивает мои скулы. Выйдя в поле взглянуть на поспевающий рис, я невольно позавидовал нашему карабао Вулкану, апатично пережевывавшему траву: его толстые бока колыхались, когда он двигался по поляне.

К вечеру поднялся ветер. Горы скрылись в вихрящихся серых тучах, нависших над самыми кровлями. Наш дом стонал и содрогался, натягивая до предела крепящие его лианы. Огород позади дома затопило дождем. Буря завывала всю ночь. Утром мы увидели, что почти весь наш рис полег, незрелые зерна утопали в грязи. За несколько дней проливные дожди окончательно погубили урожай. Все прспало. Пасмурное небо окутало баррио густыми мрачными тучами. Сидя на корточках, мы с отцом прелись у костра и, уставившись на огонь, размышляли о том, что ждет нас впереди.

Когда просветлело, мы отправились на свои погубленные поля. В затопившей их воде причудливо отражалось голубое небо.

— Где Вулкан? — спросил вдруг отец, поднимаясь на цыпочки и оглядываясь вокруг.

Карабао нигде не было видно. Мы шлепали по грязи около баррио, кружили по рисовым полям, но так и не нашли Вулкана. По лицу отца мне трудно было определить, о чем он думает, но я был ужасно расстроен: потерять почти весь урожай было плохо, но лишиться карабао, помогавшего нам его выращивать, — это еще хуже.

³ *Альмасига* (исп. - филиппинск.) — съедобные листья дерева из рода акаций.

⁴ *Ратан*, или *ротанг* (малайск.) — ротанговая пальма, имеющая упругие, эластичные стебли, идущие на изготовление шляп, мебели, циновок и т. п.

Отец ушел в баррио, чтобы расспросить односельчан, а я побрел по опушке леса вниз, в дальний конец наших полей. И тут на грязной земле я неожиданно наткнулся на следы нашего карабао; они шли между деревьев. Сердце мое забилось часто-часто. Вулкан! Я иду по его следам!

Не знаю, сколько времени я шел; кругом были одни деревья, и мне уже не было видно ни наших полей, ни баррио — ничего. Я никогда прежде не поднимался в горный лес один, и мне стало страшно. Но я подумал о Вулкане, представил себе, как обрадуется отец, когда я приведу его обратно, и снова полез вверх.

Сегодня утром у нас дома было нечего есть, и я то и дело останавливался, чтобы посидеть на скале и передохнуть: с голоду немного кружилась голова.

Я не мог понять, что случилось с Вулканом. Почему он забрался в такую даль? Может быть, он испугался урагана? Или вдоль тропинки растет какая-нибудь трава, какую он любит? Было очень трудно взбираться по этим кручам, и мне невольно подумалось, что Вулкан никогда бы не смог пройти по такой дороге сам. То тут, то там я видел места, где наш тучный карабао уязал копытами в липкой грязи между камней. Уж этот Вулкан! Он совсем стал похож, наверно, на своих диких собратьев.

Идти становилось все труднее и труднее, усталость валила с ног, кружилась голова. То и дело присаживаясь отдохнуть, я вслушивался, надеясь уловить знакомое мычание Вулкана, но лес стоял безмолвный и таинственный. Стало еще страшнее. Вдруг в стороне на склоне горы из густых кустов поднялось легкое облачко — дымок или клочок утреннего тумана. Вначале я подумал, что это у меня снова кружится голова и мутится в глазах, но вскоре заметил облачко погуще. Это был дым. Мое сердце тревожно забилось, и я было кинулся бежать, но любопытство оказалось сильнее страха, и я пополз к обрыву, чтобы взглянуть вниз — что там такое.

Дым валил из ямы, откуда поблескивало пламя костра. Но это было не самое интересное. Вокруг костра были люди — не меньше десятка. Это были люди из горного племени. Первое, что мне бросилось в глаза, — это куча обнаженных тел. Лежа над ними на животе на пруде опавших листьев и стараясь унять бешено бившееся сердце, удары которого, как стук молота, отдавались в моих ушах, я рассмотрел их каждого в отдельности: мужчин с узенькой повязкой вокруг бедер, голых ребятишек и полусдетых женщин в рваных, выцветших платьях. И седоголового старика, слоняющегося между ними с короткоствольным ружьем, у которого был сломан приклад. Темные тела деловито сновали вокруг костра. Я открыл рот от удивле-

ния — до того худы были эти люди. Везде выпирали кости; руки и ноги их чем-то походили на веточки валежника, который они то и дело подбрасывали в костер. И еще я заметил, что они нарезали мясо большими кусками.

Большие красные ломти мяса лежали повсюду в лужах натекшей из них темной крови. На большом камне возвышалась гора темно-синих и розовых внутренностей. Серая куча с красными разводами оказалась шкурой, и было еще что-то с рогами... Голова...

Голова нашего Вулкана!

Мне было страшно, но я совершенно рассвирепел. Увидеть украденного Вулкана убитым и разрубленным на куски этими дикими людьми было выше моих сил. Горечь нашей полуголодной жизни, разбитые надежды на новый урожай — все вмиг поднялось во мне, слезы слепили глаза. Я вскочил и закричал, не помня себя от ярости:

— Стойте вы, воры!

На какой-то страшный миг мне показалось, что сейчас они будут стрелять в меня из своего обреза, кидать копьями, засыпят градом стрел. Я стоял перед ними, держась за тоненькое деревцо. Все горцы бросили свои дела и как по команде повернулись ко мне, готовые каждую секунду броситься бежать. Но увидев, что перед ними всего лишь мальчик, никто из них не двинулся с места. Только старик выступил вперед, волоча свой обрез за ствол, и жестом показал, чтобы я спускался вниз.

Я оцепенел от страха, но, подумав, что лучше послушаться, стал спускаться к ним, скользя и спотыкаясь. Когда я подошел к старику, все сгрудились вокруг меня. Они были очень маленькие — я оказался не ниже некоторых из их мужчин; но что-то страшное почудилось мне в их глубоко сидевших глазах, в их худых лицах с болезненно впавшими щеками. Я прямо съезжился весь под этими взглядами.

— Ты зачем пришел сюда, мальчик? — спросил старик. Я разглядывал его кожу, сплошь в морщинах, и руки, обезображенные вздувшимися венами толщиной с виноградную лозу, не в силах ответить. Я стоял и смотрел. Но они, видимо, не очень интересовались мною. Посмотрели, посмотрели и отошли. Их больше тянуло к мясу. Тут только дошло до меня, что их взгляды не были ни ненавидящими, ни дикими, а просто голодными. Отрезав длинный кусок мяса, они бросали его в костер и, присев на корточки, следили за ним во все глаза. Задолго до того, как оно могло поджариться, дымящееся горячее мясо выхватывали из огня и с жадностью пожирали.

— Вы едите мясо Вулкана! — закричал я им. — Зачем вы это сделали?

— Мы были голодны, — спокойно ответил старик. — Ваши охотники убили оленя и диких сви-

ней, которых мы поймали. Буря повалила деревья и похоронила наши каингины. Нам теперь совсем нечего есть.

— Вы не имели права трогать нашего караба! — выпалил я. — Вы украли его и убили здесь.

Старик пожал плечами.

— Это был ваш караба? — спросил он, не отводя от меня сверлящего взгляда своих глубоких темных глаз. — Да, я видел тебя внизу, на полях. Эта земля, на которой вы живете, ваша? — Я кивнул. — Ну вот. Землю отняли и караба отняли.

— Это не по закону, — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

На лице старика было столько морщин, что я не мог понять, смеется он или нет.

— Я слышал это слово, — сказал он, — но не знаю, что оно значит. Может быть, это означает, что мы должны ходить голодные и умирать, а вы должны жить?

От аппетитного запаха жарящегося мяса у меня снова слегка закружилась голова.

— Мы тоже голодные, — не сказал, а скорее прошептал я. Лицо старика вдруг затуманилось и поплыло у меня перед глазами... Потом, к своему большому удивлению, я обнаружил, что лежу на земле. Откуда-то издали доносился голос старика, говорившего по-своему, на языке, которого я не понимал. Потом мне положили в рот что-то теплое и вкусное. Я попробовал, затем приподнялся и сел. Они все сидели вокруг меня на корточках и ели дымящееся полусырое мясо, поглядывая на меня. Женщина запикивала мне в рот большой кусок такого мяса. Я отвернулся.

— Ешь, — поморщился старик. — Это как бы по закону: человек должен есть, когда он голоден.

Я взял мясо и вгрызся в него. Прошло несколько месяцев с тех пор, как я пробовал мясо в последний раз. Снаружи оно было темное и горьковатое от дыма, а внутри красное, сочное. Я откусывал большие куски и проглатывал, не успевая разжевать.

Больше я не думал о Вулкане. Отправляя в рот кусок за куском, я рассматривал горцев. Наискокс от меня сидел на корточках мальчик, наверное, одного со мною возраста. Длинные волосы в беспорядке перепутались у него на голове, вид изможденный, но глаза, которые он то и дело поднимал на меня, так и сверкали. Мы ели и все время посматривали друг на друга.

Прошло довольно много времени, а они все сидели и ели, молча и торопливо. Когда я кончал один кусок, мне давали другой. У старика было мало зубов, и он бесконечно обсасывал и пережевывал один и тот же ломтик. Я уже освоился среди них, и мне было очень хорошо, будто я сидел среди своих односельчан в баррио. Наконец я встал, глубоко вздохнув.

Больше я не боялся их, и они больше не обращали на меня внимания. Те, кто наелся, разлеглись у костра, выставив раздутые животы. Старик продолжал сосать свой кусок мяса. Подойдя к маленькому мальчику, я дотронулся до копья, которое он держал в руке. Мальчик смутился, но, поглядывая на меня снизу, позволил мне взять копье и потрогать острый зазубренный наконечник. Потом он показал, как надо держать копье и как его кидать. Мы ничего не говорили друг другу. Да и нужны ли были бы нам слова, даже если бы мы и знали какой-нибудь один и тот же язык! Он бросал копье прямо вперед — сильно и красиво. Мишенью служило старое полусгнившее дерево, черное от сырости. Потом он дал и мне попробовать бросить. Мне было хорошо и весело тут, и мы долго играли с мальчиком.

И вдруг меня словно ударило: я преступник. Я стал под деревом как вкопанный. Мальчик тоже остановился и смотрел на меня, не понимая, что случилось. «Я здесь бегаю и веселюсь, а отец и мать, наверное, волнуются и уж с ног сбились, разыскивая меня. Ведь я ушел с самого утра». Остатки мяса были еще свежи и лежали там же на земле. Я подошел к старику, который сидел у костра.

— Мне нужно идти домой.

Он взглянул на меня своими темными глазами и ничего не сказал в ответ. Потом сжал мою руку костлявыми пальцами и снова посмотрел мне прямо в лицо. Не отпуская моей руки, он быстро сказал что-то одной из женщин. Она взяла несколько больших кусков мяса, завернула их в листья и перевязала лианами. Подойдя ко мне, она сделала петлю из лиан и приотстрсила узел у меня за спиной.

Я ничего не сказал. Я не знал, что мне сказать. Конечно, это было мясо нашего караба, но странно — я чувствовал себя благодарным. И не за мясо, а за то, что они дали его мне. Старик отпустил мою руку, и мне снова показалось, что я увидел улыбку на его морщинистом лице. А он отвернулся и опять уставился на огонь.

Я тихо пошел от костра мимо камней, на которых лежало все, что осталось от караба. Отойдя немного, я оглянулся и посмотрел на них: кто снова лежал у костра, кто занимался мясом. Мальчик стоял на том же самом месте, где я оставил его, с копьем в руке. Мы взглянули друг на друга напоследок. Я зашагал между деревьями.

Мясо за спиной было очень тяжелое, и я спустился вниз еще медленней, чем поднимался сюда. И еще мне хотелось подумать и все понять, а для этого тоже нужно время. И я размышлял, как лучше объяснить все отцу, чтобы и он тоже понял.

Перевели с английского
М. Крус и В. Макаренко

(Окончание. Начало см. на стр. 22)

огромные дивиденды от торговых, промышленных, страховых компаний и банков, акционером которых он является. В частности, Ага-хан IV и члены его семьи имеют большие активы в английских нефтяных и текстильных компаниях, американских и швейцарских банках и в различных предприятиях исмаилитской буржуазии в Индии, Пакистане, Малайе, Восточной Африке. Семейству Ага-хана принадлежат более двух десятков конных заводов в Англии, Ирландии, Франции, Америке, обширные поместья в Иране, отели в Лондоне и Лозанне, плантации и газеты в странах Восточной Африки, крупные капиталистические фермы в Нормандии (Франция), промышленные предприятия в Пакистане и т. д. По свидетельству агентства Рейтер, состояние Ага-хана оценивается в 600 миллионов фунтов стерлингов. Недавно исмаилитский имам организовал грандиозную спекуляцию земельными участками на северо-восточном побережье Сардинии, где по его инициативе создается большой международный курорт и уже построено около восьми тысяч вилл. По самым скромным подсчетам, эта спекуляция должна принести ему несколько сотен миллионов долларов.

Ага-хан — владелец многочисленных дворцов и вилл, яхт и автомашин. Значительную часть времени нынешнего духовного владыки исмаилитов занимают светские развлечения. «Живой бог» очень любит спорт. Ежегодно исмаилиты разных стран разыгрывают кубки Ага-хана по волейболу, футболу, травяному хоккею, настольному теннису. Имам и сам разносторонний спортсмен. Одно время он был чемпионом Европы по лыжам среди юношей, а теперь увлекается парусным спортом, плаванием, теннисом.

Хотя Ага-хан IV любит подчеркивать, что он вне политики, он вовсе не чужд ей. Об этом свидетельствуют публичные выступления и статьи имаме, его циркулярные письма руководителям исмаилитов разных стран. Судя по ним, нынешний имам придерживается в политике курса, выработанного в последние годы правления его предшественника — Ага-хана III. Стремление сохранить связи с правящими кругами Англии при все возрастающей ориентации на США, защита интересов империалистических держав в странах Азии и Африки, борьба против «атеистической коммунистической идеологии» и «международного коммунизма», поддержка панисламизма и попытки сколотить под эгидой западных держав блок мусульманских стран — таковы характерные черты этого политического курса.

Но времена меняются. На обломках колониальных империй возникли новые государства. Все большую популярность среди народов мира приобретают идеи социализма. И руководителям секты приходится считаться с духом времени. 49-й исмаилитский имам старается нажить себе политический капитал на критике колониализма и расизма, публично осуждает гонку вооружений, говорит о необходимости самостоятельного экономического развития бывших колоний и независимых стран и даже об особом «исламском» социализме.

Новые времена заставляют Ага-хана петь новые песни.